

матрешка Венди европейские «Красотки» высадились в России

ЕКАТЕРИНА ЧЕН

Под зажигательным прокатным названием «Красотки» скрывается французская социальная мелодрама «*Rougees russes*» («Матрешки»). Фильм Седрика Клапиша, закрывавший недавний Московский фестиваль, является продолжением картины «Испанка» — про барселонскую коммуналку, где пытались ужиться студенты из разных стран ЕС. Отучившись и разъехавшись кто куда, бывшие соседи вновь встречаются уже в Санкт-Петербурге.

Повод для визита в Россию у разноязыкой группы товарищей тривиальный: международная свадьба. Один из персонажей предыдущего фильма, непутевый англичанин Уильям, женится на Наташе — «белом лебеде» из Мариинки (куколка из балета, кстати, самая что ни на есть настоящая, — ее сыграла Евгения Образцова, свежесписанная лауреатка Московского балетного конкурса). На бракосочетание приехали сестра жениха Венди и ее французский бойфренд Ксавье, которого играет стремительно набирающий популярность актер Ромен Дюри — он исполнил, по сути, главные роли и в «Испанке», и в «Красотках». Прежде его девушкой была героиня Одри Тоту, навестит он ее и в этом фильме. Несмотря на сравнительно небольшой объем роли, именно Тоту прокатчики подают как основную звезду — что поделаешь, никого из актерского ансамбля у нас не знают лучше, чем бывшую Амели. К чести Тоту, актриса вовсе старается освободиться от груза коронной роли: ее новый персонаж — тридцатилетняя мать-одиночка, ныряющая из одного недолговечного любовного романа в другой.

У Ксавье ситуация в личной жизни не лучше: порхая мотыльком меж девушек разных национальностей и цветов кожи, он снимает при этом угол у знакомой лесбиянки и выдает ее при необходимости за свою невесту. Его непостоянство объясняется вечным поиском, отсюда и французское название — «Матрешки»: каждая новая девушка скрывает в себе следующую, и так можно долго открывать одну куколку за другой, пока наконец не доберешься до той единственной, которую искал. По мере продвижения к финалу картины герою все дороже становится именно Венди, рыжая зеленоглазая англичанка, с которой он еще в бытность студентом в Барселоне любил побеседовать «за жизнь». К Венди Ксавье то и дело возвращается

и ее в итоге, должно быть, и выберет. Свои отношения парочка по-серьезному выяснит в России, причем благодаря питерской улице Зодчего Росси.

Оказавшись на этой знаменитой улице идеальных пропорций, французский гость вдруг осознает, что идеал — это ужасно скучно и гоняться за ним совсем не обязательно.

Явно не стремился к совершенству и режиссер фильма Седрик Клапиш. Персонажей множество, а сюжет в общую картину складывается плохо. Даже огромный пазл из тысяч кусочков, который на протяжении недель и даже месяцев складывает на полу своего дома Венди, в конце концов явится в законченном виде. А фильм так и оставит ощущение расплывающейся рыхлой субстанции. «Красотки» не могут похвастаться даже тем актуальным общественным подтекстом, какой был в «Испанке». Четыре года назад столкновение на одной жилплощади представителей разных европейских наций и культур казалось любопытной трактовкой идеи европейской интеграции. В сиквеле же практически ни у кого, кроме французов и англичан, нет четко прописанной линии: немец с испанкой появляются лишь ради одной реплики, а представители остальных членов ЕС и вовсе не проявляются. Лестно, конечно, что создатели фильма решили зато принять в европейскую семью россиян. Возможно, картинка из жизни Петербурга для западного зрителя — такая же экзотика, какой для нас была Барселона. Но странное дело: хоть железный занавес пал и Питер больше не нужно снимать в Хельсинки, российские сцены в зарубежном кино по-прежнему недалеко уходят от «клюквы». Даже заселенная русскоязычными актерами питерская коммуналка позорно фальшивит, на здешний слух и взгляд. И позорно проигрывает в реалистичности давешней барселонской общаге.

